

то же свойство сближает его с хлестаковским типом — ведь оно создает возможность для замены действительности иллюзорным, выдуманном миром, созданным как раз на этой «культурной» основе. Стоит обратить внимание на то, что первая же характеристика Эраста, данная в начале новеллы, выделяет в его облике такие черты, какие сразу же позволяют видеть в нем и «лишнего человека», и «русского европейца», и, так сказать, «хлестаковца». Все это переплетено и непрерывно переходит одно в другое. А в результате герой не совпадает ни с одной из тех парадигм, куда его можно отнести, он всегда шире роли, казалось бы, предписанной ему, противоречит любой риторической схеме и ускользает от однозначного определения. Он оказывается адекватным жизни, если воспользоваться приведенными в начале данной статьи словами А. В. Михайлова: « тут получается даже, что сама действительность выражает себя в слове ». Отсюда уже идет короткий и прямой путь к полисемантичности Пушкина, к повествовательным принципам XIX века вообще. Собственно говоря, этого пути даже и нет, так как в карамзинской повести рождаются почти все особенности прозы начинающегося столетия, в частности удивительная емкость, многоуровневость литературного героя, возникающая, как мы видели, в результате совсем особых взаимоотношений между ним и целым рядом литературных архетипов. И здесь, и в этом отношении (так же как и во многих других) «Бедная Лиза» оказывается «точкой отсчета < > для всей русской прозы < > неким прецедентом»,¹⁹ требующим к себе постоянного внимания.

¹⁹ Топоров В. Н. «Бедная Лиза» Карамзина. С. 7.